

And I heard, as it were, the noise of thunder:
one of the four beasts saying:
«Come and see».
And I saw. And behold, a white horse...

*Johnny Cash. The Man
Comes Around*

ВСТУПЛЕНИЕ

История, которую я собираюсь вам рассказать, правдива от первой до последней строчки. Всё это было на самом деле. Каждое имя, названное в этом тексте, звучало в реальности, каждое слово и каждый знак препинания встали ровно на те места, на которых и должны были оказаться. Вы сможете легко в этом убедиться, дочитав её до конца. Если же эта история вам быстро наскучит или покажется глупой и надуманной, то никто вас не осудит и ни в чём не обвинит.

Но раз уж вы всё-таки здесь, чтобы вам было проще, я попрошу вас вообразить себе большое помещение с высоким потолком. Возможно, это бывший авиационный ангар, в котором когда-то строили

боевые самолёты. Но с тех пор прошло много лет, в стране кончились деньги, их хотели напечатать, но потом и печатать стало тоже не на чем.

Сейчас в ангарелюдно и шумно — вдальнем его углу какие-то муравьи выстроили несколько трибун, ярусов в пять-шесть, на которых собрались зрители. Между трибунами — небольшая площадка на возвышении, внешне напоминающая боксёрский ринг. Скорее всего, это он и есть, ведь недалеко от ангара раньше был стадион «Динамо», маленький и лампово-советский, если вы понимаете, о чём я. В подтрибунных помещениях этого стадиона было много секций — фехтования, шахмат, бега, футбола и — бокса. Гордостью секции был большой, настоящий ринг, на котором запрещалось боксировать новичкам, нельзя было даже трогать канаты. «Чтобы не обвисли», — ворчал тренер. Этот ринг построили ещё, кажется, в семидесятые годы и с тех пор ни разу не ремонтировали, построили так, что проще было разобрать весь стадион «Динамо», чем этот один упрямый ринг. Поэтому мы легко можем предположить, учитывая, что

стадион всё-таки разобрали, а затем собрали заново, что делалось это исключительно для того, чтобы вынести тот самый ринг и оставить поблизости — в старом авиационном ангаре на улице Лизы Чайкиной, там, где сейчас снимаются самые главные телевизионные шоу.

Итак, мы вообразили себе ангар, в нём трибуны и боксёрский ринг. Ринг, представьте себе, раскрашен в цвета российского триколора, канаты, увитые светодиодами, переливаются белым, синим и красным, а в углах, там, где раньше отдыхали боксёры и сидели секунданты, установлены четыре небольшие кафедры с экранами в них. Внешне вся эта конструкция напоминает перевёрнутую кверху коротконогую табуретку.

Но вот звучит гонг, и на ринг поднимаются четверо «боксёров» — в деловых костюмах и при галстуках, а затем выходит рефери с бульдожьим лицом и в смокинге, сверху ему спускают на шнуре микрофон, он берёт его и раскатывается басом по всему ангару. Зрители рукоплещут, «боксёры» в четырёх углах ринга одобрительно кивают его словам, все воодушев-

лены, и тут-то мы с вами и делаем паузу. Картинка замирает, и теперь мы можем разглядеть детали.

Нам становятся видны жилы, напрягшиеся от крика на шее ведущего, его распахнутые покрасневшие глаза и капельки слюны, повисшие в воздухе перед ртом. Кожа в углах его глаз странно морщится, а скулы словно надуты изнутри — следы недавних пластических операций. У одного из «боксёров» чуть растерянный вид, он как будто слегка потерян, ищет глазами кого-то, но его ладони подняты перед грудью и сложены в воздухе одна над другой, значит, он тоже хлопает, всё в порядке. Его сосед справа, похоже, недавно сильно похудел, и теперь кожа у него на шее и лице висит складками, как у шарпея, но он тоже аплодирует и, кажется, даже свистит — губы сложены в трубочку, а глаза сощурены, ну хулиган! У следующего «боксёра» и вовсе собачьи глаза — ищущие, преданные, готовые принимать одобрение и корм вслед за одобрением. Четвёртый гость стоит к нам спиной, и мы не видим его лица, но, уверен, оно ничем не отличается от других. Костюм, во всяком случае, сидит на плечах

прилично, без складок и гармошек, это высокий, статный мужчина.

Зрители замерли с улыбками на лицах. В первых рядах сидят бабушки и всего несколько дедушек среди них, и эти дедушки почему-то выглядят сильно веселее бабушек. Мы, впрочем, можем предположить, чем это вызвано: нагрудный карман пиджака одного из них сильно топорщится, и из него с любопытством выглядывает крышечка шкалика. Время от времени хозяин нежно поглаживает малыша через ткань, словно просит его потерпеть до конца съёмки.

Несколькими рядами выше, за спинами насупленных бабушек и мечтательных дедушек, заградотрядами сидят ряды ВММНВвВ — Вечно Мрачных Мужчин Неопределённого Возраста в Водолазках. На их лицах написано столько откровенного неудовольствия и усталости, что они чем-то походят на незадачливых отпускников — им не нравится вообще ничего вокруг и они не знают, как здесь оказались. Стопроцентное попадание в образ русского туриста за границей.

Итак, мы, кажется, разглядели вообще всё. А теперь снова запускаем картинку.

ПИСЬМО

Дело было так: электронное письмо пришло в шесть двадцать три утра, — в такое время пишет либо тот, кто ещё не ложился, либо тот, кто живёт в другом часовом поясе. Отправитель письма — некий Noname — мог быть кем угодно и жить в любом месте земного шара. В письме было всего несколько фраз. Именно они заставили биться моё сердце чуть чаще.

Однако это случилось не сразу. В половине шестого я ещё крепко спал, а мой телефон, как и всегда, был переведён в виброрежим, и лишь к полудню мне удалось разлепить глаза, нащупать его на тумбочке и проверить электронную почту. В этот-то момент моё сердце и дало парочку лишних ударов. Я проморгался — господи, как же сохнут глаза, если спать, не снимая на ночь контактные линзы, — и решил: раз за эти шесть с лишним часов информация не потеряла актуальности, значит, отправитель сможет спокойно потерпеть ещё ми-

нут двадцать. И я тогда тщательно почистил зубы, умылся, принял душ, надел чистое бельё и заварил кофе — натуральный, смолов зёрна в кофемолке, ведь так было дольше, — после чего вернулся к телефону.

Я не просто так не торопился отвечать. Я не хотел разочарования. Я боялся его — так, конечно, вернее, ведь бояться всего неприятного, избегать его — это стало моей основной привычкой в последние месяцы. Я тщательно вычистил свою жизнь от всего, что могло нарушить размеренный порядок её течения.

От былой невротичной инициативности не осталось и следа, я дремал — внутри себя. Если верить в понятие «душа» — а я в него верил, — так вот, если признать её существование, то моя собственная притворилась трупом. Это походило на совет туристам: «При виде медведя не пытайтесь убежать или напасть на него, а притворитесь мёртвым. Медведь — животное безгливое, падаль не ест». Всегда, кстати, удивлялся: неужели медведь настолько глуп, чтобы не ощутить запах паники, исходящий от «трупа», лежащего перед ним?

Мой медведь был не слишком умным и, обнюхав тело, обычно уходил прочь. Именно поэтому я и не торопился отвечать на письмо — не хотел дразнить зверя. Кажется, кто-то мог бы назвать это депрессией, но я не называл это никак.

Я писатель, вернее, так меня раньше подписывали в титрах телешоу, когда, конечно, ещё приглашали. Но мой успех прошёл. Я продолжал искать новую тему, сюжет, нерв — и находился в творческом поиске уже несколько лет.

Несколько моих последних синопсисов, отправленных в издательство, вернулись с вежливыми отказами. Агент, опубликовавший мои первые романы, был чертовски вежлив, отвратительно вежлив, словно это не мы с ним пили когда-то до пяти утра, отмечая успех моего второго романа.

Именно поэтому, поздно проснувшись, я не боялся тянуть с ответом — но потом, допив кофе, всё же набрал сообщение и отправил. А затем уставился в экран, вновь и вновь перечитывая письмо: «Есть сюжет для вашей новой книги. Я гарантирую, что вы будете изданы. Но вы должны быть го-

товы к риску. Тема — опасная. Общение — анонимное. Вас это устраивает?»

Как будто у меня был выбор.

Я ждал ответа весь день, потом ещё один и ещё два. А потом я просто забыл о нём.

ЗВЁЗДЫ ПЬЯНЫЕ

Писатель — заложник своего внутреннего мира, гоголевский Плюшкин, что тащит к себе на чердак всё, что кажется ему интересным или важным. Где-то в залежах этого мусора, на периферии разума растут ульи, ты живёшь обычной жизнью и как будто не замечаешь их, а они всё увеличиваются и набухают, и вдруг однажды ты понимаешь, что больше не можешь вмещать их в себя.

Это может случиться посреди магазина, в очереди в кассу, в театре, в кино, на заправке или в автосервисе. Ты внезапно начинаешь хвататься рукой за телефон или блокнот, искать по карманам ручку, шарить в бардачке машины. А потом ты пишешь, быстро, проходит час, другой, ты сидишь на скамейке в парке, и уже стемнело, а ты и не заметил, а может быть, и хуже того — ты был не один, и кто-то обиделся и ушёл, и этого ты тоже не заметил, вернее, заметил, но где-то на краю сознания